

ки // *Нестабильность в Африке : уроки прошлого и современные процессы* : сб. / Ин-т Африки РАН. М., 2006. С. 164.

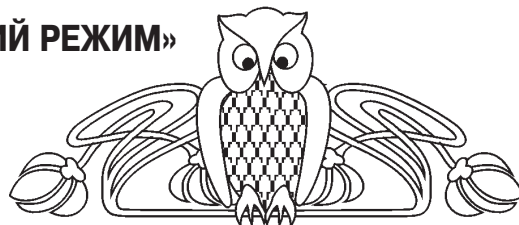
¹⁶ Васильев А. М. *Гражданское общество в Африке : реалии и мифы* // Восток. 1995. № 2. С. 16.

¹⁷ См.: Африка : проблемы становления гражданского общества. С. 106.

¹⁸ См.: *Следзевский И. В.* Современная Африка. Итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур. М., 1990. С. 56.

УДК 328.36

КОНЦЕПТ «РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ» КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЙСКОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ

Ш. М. Хаутиев

Ульяновский государственный университет
E-mail: sharp1974@yandex.ru

В статье исследуется объяснительный потенциал концепта «региональный политический режим» в контексте дискуссии о природе постсоветской российской трансформации. Автор доказывает, что термин «политический режим» уточняет и индивидуализирует ключевые признаки эволюции властных отношений в условиях неопределённости. В процессе исследования концепта «региональный политический режим» преодолеваются два основных заблуждения по поводу применимости данного понятия.

Ключевые слова: региональный политический режим, политическая переходность, политическая неопределённость.

The Concept of «Regional Political Regime» as a Theoretical Basis for Understanding of Post-soviet Russian Transition

Sh. M. Khautiev

In paper studies explanatory potential of the concept of «regional political regime» in the context of discussion about the nature of post-Soviet Russian transformation. The author argues that the term «political regime» is specifying and clarifying the key characteristics of evolution of political relations in uncertain. In article is getting over two main mistakes on the term «regional political regime».

Key words: regional political regime, political transition, political uncertainty.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-215-218

Актуальность данной статьи заключается в необходимости доказать продуктивность и эвристическую ценность использования концепта «региональный политический режим» для понимания природы постсоветской российской трансформации.

Анализ переходного общества предполагает в нашем случае применение теоретических положений, связанных не с реализацией демократического проекта, а с уточнением природы политического режима. Ожидания скорой и неизбежной победы демократии в посткоммунистической России (известные как «телеология переходного периода») породили целый ряд ме-

тодологических проблем и ложных ожиданий. Они были описаны в одной из новейших публикаций российского политолога Лилии Шевцовой, которая отметила, что «безоговорочная вера в то, что Россия при Ельцине встала на путь демократии, позднее помешали нам в полной мере осознать авторитарную эволюцию российской власти»¹. В качестве предварительного замечания необходимо отметить, что существует большое разнообразие подходов к оценке политического режима. Термин «политический режим» используется в различных контекстах – начиная от конституционных моделей и кончая формами правления². Однако эти критерии, изложенные в рамках государственно-правового подхода, являются скорее определительными и трудно применимы для понимания процесса политического перехода, при котором правила игры могут быстро меняться. Мы рассматриваем политический режим как совокупность средств и методов, с помощью которых правящие элиты осуществляют экономическую, политическую, идеологическую власть в том или ином сообществе. Как нам представляется, данный подход индивидуализирует и уточняет основные признаки политического порядка. Таким образом, наш подход основан на анализе условий перехода, в котором главной категорией является неопределённость. В своё время известная британская исследовательница Мэри Маколи успешно использовала данный критерий для сравнительного анализа российских региональных режимов в 1990-е гг.³

Если говорить в целом, то основной теоретический аргумент, развитый благодаря осмыслению одной из последних работ американских учёных Дж. Хигли и М. Бартона, состоит в понимании политического режима как «образца, в рамках которого принимающая решения правящая власть организуется, осуществляется и передаётся»⁴. Данный подход позволяет вскрыть специфику политического режима через политических субъектов (акторов), которые играют системообразующую роль в создании, поддержании и воспроизводстве определённого поли-

тического порядка. Такая интерпретация предполагает чёткое отождествление региональных политических режимов с ролью и доминированием элитных групп в обществе. В атмосфере неуправляемой децентрализации постсоветского российского общества 1990-х гг. и господства парадигмы «реформ сверху» («навязанный переход») основными действующими лицами российского политического процесса становятся властвующие элиты. Здесь находят своё пересечение режимный и элитный подходы к объяснению постсоветской политической трансформации. С помощью элитного подхода возможно преодоление статичного представления о политическом порядке и выявление того, как региональные политические режимы меняются в случае смены ключевых фигур регионального политического процесса.

Близко к этому стоит определение, данное российскими исследователями В. Гельманом, С. Рыженковым совместно с немецким учёным М. Бри. Согласно данному определению политический режим понимается как «совокупность акторов (субъектов) политического процесса, институциональных форм организации политической власти, ресурсов и стратегий борьбы за достижение и/или удержание власти»⁵. Нижегородский исследователь Н. Распопов полагает, что понятие «региональный политический режим» может быть точкой отсчета для понимания причин и итогов разнонаправленных и разнохарактерных региональных трансформаций в постсоветской России. Нельзя не согласиться с мнением автора о том, что эволюция этих политических режимов представляет собой нелинейный процесс – без заранее разработанного направления движения и без заранее разработанного завершения⁶. К. Рогов рассматривает политический режим в рамках модели «спроса и предложения», в которой взаимодействуют два фактора политического процесса: динамика общественного мнения и общественная поддержка «снизу» (спрос) и тип политического режима, выраженный в конкуренции элит (предложение). Подход, концентрирующий внимание на проблемах взаимодействия элит, был назван инструменталистским или элитаристским, в фокусе которого были акторы политического процесса. Последователи инструменталистского подхода полагают, что устойчивость режимов электорального или конкурентного авторитаризмов определяется их способностью консолидировать элитные группы, маргинализировать оппозицию, противостоять давлению извне⁷.

В. Гельман предлагает рассматривать политические изменения, происходящие в определённых границах. В этом смысле, по его мнению, полезно использовать территориально ограниченный подход, рассматривая политический режим в качестве исчерпывающего определения «конкретной политической единицы» (polity)⁸.

Тем не менее на пути использования концепта «региональный политический режим» необходимо преодолеть два основных заблуждения, возникших, как ни странно, в процессе изучения российских локальных политических практик.

Первое заблуждение связано с тезисом о том, что исследования региональных политических режимов некорректны без исследования зависимости политических процессов в регионах от политики федерального центра. Пожалуй, наиболее громко скептицизм по поводу региональных политических режимов выразил И. Чертков, поставивший вопрос следующим образом: «Имеет ли вообще право на существование такой термин, как “региональный политический режим”?»⁹ Однако, как справедливо заметил В. Гельман, «трудно найти эмпирическое подтверждение того, что федеральная политика по отношению к регионам в период после распада СССР носила сколько-нибудь последовательный характер (речь идёт как о политике Центра в целом, так и действиях по отношению к конкретным регионам)»¹⁰. С начала 1990-х гг., особенно после начала рыночных реформ Ельцина – Гайдара в 1992 г., политическая самостоятельность российских регионов росла вплоть до конца десятилетия, достигнув своих высших точек после серии губернаторских выборов 1996–1997 гг. и экономического кризиса («дефолта») августа 1998 г. Российский политолог А. К. Магомедов доказал, что именно в эти моменты влияние региональных элит на процессы, происходящие в стране, было наибольшим¹¹. Следовательно, мы можем рассматривать российские регионы как чётко различающиеся единицы политического анализа, а локальные политические режимы идентифицировать как автономные политические механизмы (polity). В рамках таких единиц разворачиваются различающиеся типы политической игры, включающей в себя становку политических акторов с их ресурсами и стратегиями и политическими институтами¹². В своё время известный британский специалист по России Филип Хансон в 1994 г. высказал впечатление о том, что российские регионы отличаются друг от друга даже больше, чем государства Европейского союза¹³. Всё это позволяет нам считать изучение региональных политических режимов даже без учёта политики центрального правительства вполне корректным делом. Однако вышеприведённое аналитическое упрощение пытались адаптировать к постельцинской ситуации, когда было покончено с процессами неуправляемой регионализации и хаотической фрагментации отечественного социума. На этот раз аргументы противников регионального режимного подхода заключались в том, что некорректно использовать понятие «региональный политический режим» в условиях завершения процессов российской децентрализации и регионализации начиная с 2000-х гг.

Поскольку объявленный и реализованный курс на создание «вертикали власти» в России привёл к тому, что лидеры местной политики не просто превратились в исполнителей федерального государственного курса, но были интегрированы в общероссийскую политико-управленческую иерархию¹⁴. Стоит отметить, что краснодарский политолог А. Баранов дал убедительную критику данной точке зрения¹⁵. Если исходить из того, что «политический режим», как было отмечено выше, определяется сочетанием таких характеристик, как 1) политические субъекты (акторы) с имеющимися в их распоряжении стратегиями и ресурсами, 2) властно-политические институты, предписывающие соблюдение правил игры, в т.ч. неформальных, и определяющие природу власти на уровне конкретной политической единицы (polity), то региональный режим – это сочетание акторов, институтов, ресурсов и стратегий местного уровня. Они определяют характер реализации локальной власти и регионального политико-экономического курса¹⁶.

Более чем 20-летнее пребывание в состоянии политической трансформации делает полезным исследование переходных процессов, которые осмысливаются с помощью режимного подхода¹⁷.

Второе заблуждение вызвано тем, что некоторые аналитики вообще склонны связывать возможность существования регионального политического режима с федеративным устройством государства и применять его только при анализе федеративных систем. Авторы такой позиции считают, что определение «региональный политический режим» применимо лишь для государств, имеющих федеративную структуру, а для государств унитарного типа использование подобной терминологии неприемлемо, поскольку может ввести в заблуждение. Вот что пишет по этому поводу Ю. Б. Димитрова: «При всех ограничениях российской централизации наличие в России элементов федерализма позволяет рассматривать региональную власть как достаточно самостоятельный субъект для оценки его деятельности»¹⁸. Таким образом, существование региональных политических режимов автоматически выводится из факта существования федеративного государства и из принципа федерализма¹⁹. Является ли федерализм главным условием возникновения и функционирования региональных политических режимов? Мы считаем, что правомерность использования понятия «региональный режим» не зависит от формы государственного устройства. Такие режимы могут быть присущи любой территориальной единице при наличии хотя бы минимальной автономии локальной политики и управления по отношению к вышестоящим уровням власти.

Доказательством существования региональных политических режимов может служить реакция не только субъектов Федерации, но и ло-

кальных образований на кризисные ситуации и переломные моменты. Вариация основных институтов локальных режимов в России задана рамками политических возможностей на всех уровнях власти. Значительное расширение этих рамок в 1990-х гг. стало оборотной стороной слабости федерального центра, который *de facto* делегировал политику институционального строительства в городах на региональный уровень. Например, зеркально противоположная позиция руководства Ульяновской и Нижегородской областей в годы «шоковой терапии» (1992–1993 гг.) означала не только различные пути адаптации этих регионов к переменам, но и формирование различных подходов к реализации внутренней политики. Аналогичный процесс наблюдался в России в отношении военных действий в Чечне. Тот факт, что Татарстан отказался посылать своих новобранцев в зону конфликта, а Ингушетия объявила нейтралитет в отношении независимости Чечни, в то время как бывший губернатор Нижегородской области Б. Немцов собирал подписи против войны, свидетельствовало о проявлениях различных региональных политических режимов. Радикальные действия руководства Свердловской области по провозглашению «Уральской республики», возникновение так называемого «ульяновского чуда» в 1992 г., наряду со «Степным уложением» в Калмыкии и «Сибирским соглашением» в Новосибирске, также можно рассматривать как результаты действий региональных режимов. Наконец, этнокультурные различия также являются важной предпосылкой существования феномена региональных политических режимов. Нельзя забывать и того, что перечисленные примеры реализовывались в атмосфере полной политической неопределённости на уровне государства.

Таким образом, региональный политический режим – это постоянно действующий фактор российской политики на различных этапах посткоммунизма, включая постельцинский. Создание «вертикали власти» в начале 2000-х гг. не уничтожило большого количества политических субъектов и практик локального уровня. Анализ феномена регионального политического режима имеет ценность вовсе не потому, что позволяет определить специфику российского федерализма, а также механизм взаимодействия по линии «центр – регионы». Он имеет ценность потому, что режимный подход позволяет лучше понять особые признаки переходного развития общества, а также уточнить критерии политической неопределённости.

Примечания

¹ Shevtsova L. What Do the Normativist Stand For? // The American Interest. 2016. 13 January. URL: www.the-american-interest.com/2016/01/13/what-do-the-normativist-stand-for/ (дата обращения: 25.01.2016).

- 2 См.: Малько А. В., Родионов О. С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. 2001. № 9. С. 19–25; Медушевский А. Н. Конституционные кризисы в обществах переходного типа // Вопр. философии. 1999. № 12. С. 3–21.
- 3 См.: McAuley M. Russia's Politics of Uncertainty. Cambridge Univ. Press, 1997.
- 4 Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Lanham, 2006. P. 15.
- 5 Россия регионов : трансформация политических режимов / общ. ред. В. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. М., 2000. С. 19–20.
- 6 См.: Распопов Н. П. Нижегородский региональный политический режим : проблемы трансформации влияния центров власти. URL: www.kazanfed.ru/actions/konfer3/doklad7/ (дата обращения: 29.05.2010).
- 7 См.: Рогов К. Политические циклы постсоветского транзита // Pro et Contra. 2012. Т. 16, № 4–5 (56). С. 9.
- 8 Гельман В. Я. Успехи и провалы переходов к демократии : политические режимы российских регионов в сравнительной перспективе / Центр конституционных исследований. М., 2000. С. 4.
- 9 Чертков И. В. Региональные политические режимы Российской Федерации : на примере Санкт-Петербурга, Республики Карелия и Новгородской области : дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2005. URL: <http://www.disserscat.com/content/regionalnye-politicheskie-rezhimy-rossiiskoi-federatsii-na-primere-sankt-peterburga-republiki-kareliya-i-novgorodskoi-oblasti/> (дата обращения: 26.11.2012).
- 10 Гельман В. Политические режимы переходного периода : российские регионы в сравнительной перспективе. URL: http://eu.spb.ru/images/pss_dep/gelman_political_regime.pdf (дата обращения: 29.11.2012).
- 11 См.: Магомедов А. К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России : модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М., 2000.
- 12 См.: Вилков А., Шестов Н. Политическая субъектность региональных социумов и элит // Власть. 2014. № 7. С. 186–191.
- 13 См.: Transformation from below : local power and the political economy of post-communist transitions / ed. by J. Gibson and Ph. Hanson. Cheltenham, 1996. P. 4.
- 14 См.: Медушевский А. Н. Сравнительное институциональное право и политические институты. М., 2002. С. 327–328.
- 15 См.: Баранов А. В. Региональные политические режимы в России в системе властных отношений // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 4. С. 62–73.
- 16 См.: Гельман В. Власть, управление и локальные режимы в России : рамки анализа // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/ge5.html> (дата обращения: 02.02.2013).
- 17 См.: Авдонин В. С. Рязанская область : «умеренный» авторитаризм становится жёстче // PolitBook. 2013. № 1. С. 59–78; Магомедов А. К. Указ. соч.; Хазов А. Характеристика политических режимов в постсоветской России // Власть. 2012. № 2. С. 109–112 // Научная библиотека КиберЛенинка. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-politicheskikh-rezhimov-v-postsovetskoy-rossii#ixzz3TP4wYg5I> (дата обращения: 11.03.2014); Туровский Р. Ф. Региональные политические режимы в России : к методологии анализа // Полис. 2009. № 2. С. 77–95.
- 18 Димитрова Ю. Б. Политическая эффективность функционирования региональной власти в современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. С. 22.
- 19 См.: Чертков И. В. Указ. соч.

УДК 323

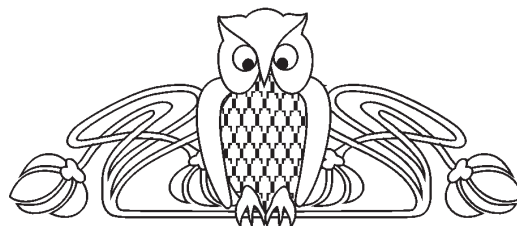
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛИЗМУ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. В. Ефанова, А. А. Колотилина

Волгоградский государственный университет
E-mail: efanova8282@mail.ru, missn@list.ru

В статье проведен сравнительный анализ практик реализации политики безопасности (США, Япония, Россия). Представлен отечественный опыт противодействия национализму в условиях обеспечения безопасности на международном, государственном и региональном уровнях. Определены региональные особенности реализации целевых программ в субъектах РФ как инструмента эффективной национальной политики.

Ключевые слова: национализм, противодействие национализму, национальный интерес, государственная безопасность, государство.

Counteraction to Nationalism in the Conditions of Realization of Policy of State Security of the Russian Federation

E. V. Efanova, A. A. Kolotilina

In the article the comparative analysis the practician of realization of a security policy (USA, Japan, Russia) is carried out. Domestic experience of counteraction to nationalism in the conditions of safety at the international, state and regional levels is presented. Regional features of implementation of target programs in territorial subjects of the Russian Federation as tool of effective national policy are defined.

Key words: nationalism, counteraction to nationalism, national interest, state security, state.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-218-222